

Перч Зейтунцян — автор более 15 книг, драматург, чьи пьесы с неизменным успехом шли на сценах театров, в том числе и русских, лауреат государственной премии Армении, заслуженный деятель культуры, к тому же почетный член Римской академии культуры и общественных наук.

- Стало уже недоброй традицией, что писатели, люди искусства рвутся в политику. Чем вы объясняете эти отнюдь не творческие порывы?

— Наша беда в том, что в Армении писатели во все времена занимались политической, общественной деятельностью. Словом, не своим делом. Даже классики. Но если прежде интеллигенция вместе с Церковью восполняли пробел государственности, то после обретения государственности сработала старая инерция. Интеллигенция ринулась туда, куда не следовало. И что хуже всего — после прихода к власти со многими стали происходить необъяснимые метаморфозы, они превратились в своих антиподов.

— Пару лет назад вы тоже были у власти, возглавляли Министерство культуры. Однако порча вроде вас миновала.

— Для того чтобы не измениться, нужно немного воображения и толики фантазии. Зачем меняться, если завтра вновь неизбежно должен вернуться к исходной точке. Мелочь вроде бы, но многим не хватает этого понимания. Что до меня, то, как известно, долго в кресле министра я не удержался. Подвела натура писателя. Я говорил то, что номенклатурному лицу не положено. Критиковал публично

ПЕРЧ ЗЕЙТУНЦЯН:

Мне необходимо быть понятым сейчас

Рубрика. — 1996. — 14 Дек. — С. 5

власть. Это мое алиби. Я имею моральное право высказывать свое мнение сейчас, ибо не молчал тогда, когда был при должности.

— Мне кажется, чтобы наш разговор получился оригинальным, надо всего лишь одно — абстрагироваться от политики и поговорить о литературе.

— А что литература? Книжки не печатаются. Если и печатаются, то очень небольшими тиражами. И даже этот мизер не раскупается. Моя предпоследняя книга была издана 80-тысячным тиражом и не осталась лежать мертвым грузом на полках. Последняя же, тиражом в одну тысячу, из коей 200 экземпляров было раздарено, а 800 попало в книжные магазины. За пять — шесть месяцев продано едва ли 30 книг.

— Если можно, вкратце, о чем она?

— Это исторический роман "Родиться и умереть". Но я никогда не пишу исторических романов ради собственно истории. Если события давно минувшие не перекликаются с сегодняшними. Причем, естественно, привязывать исторический факт к сегодняшнему дню — свидетельство дурного вкуса. В частности, в своем романе я описываю фрагмент истории, когда один из шахов сместил со своих должностей всех министров, а вместо них поставил люмпенов. Трудно поверить, но это в действительности было в пятом веке. Далее я рас-

крываю, что означает, когда люмпен приходит к власти.

— Думаю, достаточно красноречивый факт. И все же. Неужели невозможно писать непосредственно о сегодняшнем дне без оглядки на прошлое? В конце концов наш народ переживал и более тяжелые времена, но длительных тематических кризисов в литературе вроде не было.

— Сегодня должно стать вчера, чтобы можно было художественно переварить и переосмыслить. К примеру, сейчас говорят: "Нам нужны талантливые фильмы, поэтому должны снимать только талантливые люди". Но элементарно следует понимать, что надо как минимум снять десять — пятнадцать посредственных фильмов, чтобы родился Параджанов или Пелешян. Должен быть процесс, течение. Точно так же и в литературе. Я всегда был антисоветчиком, но в Союзе мы были участниками процесса. Печатались большими тиражами, переводились на множество языков народов СССР, с помощью русского печатались в странах. Мне больно, что наши связи с миром оборвались и в первую очередь с Россией. Я бы очень хотел возродить мои личные связи с Виктором Розовым, которого очень люблю, с Эдвардом Радзинским, с которым испытываю духовное родство и надеюсь, что оно взаимно.

— Коммерческая литература — это одно-

значно не про вас. Тем не менее, насколько известно, вы не перестаете писать.

— Да, я написал новую пьесу "Иисус из Назарета и его второй ученик". Почему второй? А потому, что "первых много, я хочу быть вторым", именно так говорит в моей пьесе Иуда. Место второго куда прочнее и выгоднее. Пьеса написана специально для Ереванского драматического театра. В следующем году ее будут ставить.

— Судя по названию, вы рассматриваете вечные темы любви, предательства.

— Дело в том, что, на мой взгляд, Библия не дает объяснения, почему Иуда предал Христа за тридцать сребренников. Слишком примитивно и совершенно меня не устраивает. Вот я и попытался дать свою версию.

— Коль скоро вы обратились к Священному писанию, хочу напомнить одну цитату: "Нет ничего хуже, говорили вы в одном своем интервью, — когда тебя предадут люди, которым верил, как идолам". С вашим жизненным опытом, и вдруг — кумиры, идола, да еще в лице политиков?

— Я публично признался в этой своей слабости, высмеял ее, и осудить ее строже, чем я сам, никто не может. Мне действительно, очень стыдно, что я сотворил себе кумиров.

— А есть еще что-то, о чем вы сейчас жалуете. Скажем, о том, что в свое время ста-

ли репатриантом.

— Да, но мне очень горько говорить об этом. Мне было 10 лет, когда моя семья переехала из Египта на родину. И я бы не хотел связывать это со своей персоной. В этом году отмечается 50-летие репатриации. Говорят, что это было великое событие, но забывают, что и великое несчастье. Ведь сколько искалеченных судеб среди репатриантов. Люди, думая, что возвращаются на родину, вдруг после Парижа оказывались в Алтайском крае. Многие репатрианты, как только представилась возможность, сразу же отправились обратно. И разве можно отмечать юбилей трагедии, юбилей советского позора? Это же кошунство.

— А вам не хочется написать об этом книгу?

— Да, если описать нашу жизнь 46-го — 48-го годов, это уже готовый роман. Но когда все это внутри и так больно... Для того чтобы писать, надо уметь приподняться и со стороны посмотреть на события. Не случайно же лучшую книгу о резне армян написал чужеземец Франц Берверфель. Боль искажает восприятие, и на бумагу выплескиваются сплошные ругательства, ненависть.

— А как насчет самой главной книги?

— Самая главная книга всегда впереди. Но чтобы написать, нужен читатель. Это в первую очередь. Затем издатель. С читателем, увы, сложнее. Проблема еще и в том, что я не могу просто так писать. Мол, напишу, и пусть меня прочтут через 20 — 50 лет. Меня, по правде говоря, это мало волнует: будут ли читать Перча Зейтунцяна, или нет. Я сейчас хочу диалога с читателем. Хочу быть понятым. Сегодня.

Беседа вела Наира МАНУЧАРОВА
ЕРЕВАН